

3. Минюшев Ф.И. Социальная антропология. Часть 2. Бытие человека в культуре // Электронная библиотека социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL:<http://lib.socio.msu.ru/l/library>.

В.С. Каташинских
УрФУ, Екатеринбург

О СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИНСТИТУЦИИ

В современном обществе, когда идет активная трансформация во всех социальных институтах, вопросы конвертации тех или иных традиций, норм, правил являются крайне актуальными. В связи с чем проблемы языка, которым изложены эти положения выходят на первоочередной план.

В настоящий момент наблюдается тенденция в обществе к некой унификации языковых систем для более легкой конвертации накопленных знаний, обмена ими среди представителей различных обществ, культур, профессий и т.п. В то же время, проблемы передачи накопленных знаний современному поколению представляют собой целый ряд особенностей. Массовая компьютеризация (правильнее сказать – оцифровка) носителей информации ведет к тому, что печатные издания теряют свою актуальность в связи со стремительно уменьшающимся интересом к ним.

В конце марта 2013 г. в Берлине в Haus der Kulturen der Welt (Дом мировых культур - культурная институция) состоялась конференция в рамках долгосрочного проекта (2008 – 2014) Former West, посвященная критическому переосмыслению устройства мира после 1989 года и проблеме определения Запада. В рамках проекта данной культурной институции осуществляется организация архива книг, различных носителей информации, записей музыки и перформансов [1]. В настоящее время появился книжный продукт в цифровом формате, и первым подобным изданием стал роман Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

В связи с резким информационным бумом современных технологических носителей текста Борис Гройс, участник конференции и один из наиболее авторитетных интерпретаторов современной русской культуры, говорит о конце истории и полной ликвидации культуры Запада как регрессивном процессе XXI века, «обвальном» начавшемся в 1980-х годах. В частности, отмечая значение архивов в сохранении и трансляции культуры, Б. Гройс замечает: «Вопрос, есть ли архив или нет, – никакой роли не играет. Например, сейчас есть архивы, и никто их не понимает. Мы сейчас пользуемся гуглом: вот можете прогуглить того же Кожева (А. Кожев –

французский философ русского происхождения. – *Прим. авт.*), вы получите миллион с чем-то каких-то сайтов. Ну и что? Ну, прогуглили, ну и закрыли. Все, что было в прошлом, что связано с интеллектуальной работой, либо исчезло, либо стало никому не нужным» [2].

В данном случае Б. Гройса беспокоит исчезновение интеллектуальных и, прежде всего, философских традиций XVIII – XX вв., что привело к формированию идеала современного человека как личности, чья «абсолютная бездушность и чистая телесность представляют собой культурный идеал нашего времени, которого, конечно, не каждому удастся достичь» [2]. Одной из главных причин упадка культуры Б. Гройс видит в том, что люди перестали читать, и это превращает человека в современное животное.

Особенностью чтения и одновременно его сущностной характеристикой является то, что в процессе чтения происходит моделирование действительности как воображаемой, так и реальной. Это представление о роли чтения в современном мире, подчеркивает Ю.П. Мелентьева: «Чтение подобно письменности является творческим занятием, Читатель, так же как и Мастер, не только осваивает окружающий мир, но и создает свой», т.е. чтение порождает новую реальность подобно экранизации и интерпретации произведения. Во-вторых, без чтения нет образования, формирования мировоззрения, профессионального становления, эмоционального и интеллектуального развития ментальности личности. Социализирующая функция чтения способствует снижению напряженности в обществе, смягчению общественного климата, формированию толерантной личности. И наконец: «Чтение является пока единственной интеллектуальной технологией освоения накопленного человечеством знания» [3, с. 9].

Современные способы чтения не могут не зависеть от социокультурных изменений, происходящих в обществе. С одной стороны, активное внедрение интеллектуальных конвергентных технологий НБИК (нанотехнологий, биотехнологий, информационных и когнитивных технологий) в науку и производство является результатом и одновременно условием современных инновационных преобразований человека и социума. С другой стороны, по мнению Д.И. Дубровского, небывалая скорость и характер инноваций приводят к угрозе будущему человечества, так как «некоторые из них затрагивают фундаментальные основы жизни и чреваты непредсказуемыми последствиями» [4, с. 4]. Когда современное общество называют «обществом знаний», полагает П.Д. Тищенко, то имеется в виду не просто широкое распространение научных знаний как некий новый проект тотального просвещения. Речь идет о распределенном в социальной сети расширенном производстве и воспроизводстве гетерогенных по своей природе знаний [4, с. 20].

Таким образом, мы имеем дело с новой технологической революцией, которую И.Ю. Алексеева предлагает назвать НБИКС-революцией [4, с. 12].

Буква «С» в аббревиатуре «НБИКС» означает «социогуманитарные технологии», что подразумевает формирование нового социально-технологического уклада: новые формы социальности, ценностные ориентиры, новое понимание сущности и природы человека.

В связи с этим чтение как интеллектуальная технология также подвержено социокультурным трансформациям. Канадский писатель А. Мангуэль так описывает феномен чтения: «Никогда история не повторяется так, как это она делает в чтении, когда каждое поколение читателей должно пройти те же этапы обучения, что и предыдущее. Но время от времени рождаются читатели, у которых появляются новые требования, которые стимулируют изобретение новых технологий» [5, с. 137]. Новая технология требует длительного освоения нового языка, так как наше мышление уже сформировано языками, предшествовавшими появлению этого технического новшества. Техника не является просто очередным средством, облегчающим жизнь человека, так как это скорее требование, предъявляемое к нему.

В то же самое время происходит чрезвычайно важное культурологическое событие: «Книга в значительной степени утратила компонент сакральности, и на первое место вышли соображения утилитарного характера - небольшой вес, удобство чтения в общественном транспорте, низкая цена» [6]. Процесс десакрализации книги означает то, что отныне книга не воспринимается, прежде всего, как духовная ценность, а превращается в рядовой продукт массовой информационной культуры. Однако выполнение книгой как текстом потребительской культуры только утилитарных функций, никак не сказывается на имидже высокой или элитарной литературы. Тем не менее, сегодня информационная функция чтения доминирует над экзистенциальной как в повседневной практике, так и на уровне общественного сознания.

Современная терминология свидетельствует об этом, даже в такой духовной сфере, как институт образования: образовательный кластер, выбор образовательной траектории, «дорожная карта» бакалавра, конвергентность мышления и т.п. Ведь именно этот социальный институт в первую очередь выполняет функции накопления, сохранения и передачи знаний от поколения к поколению. Поэтому именно в рамках института образования все нововведения, касающиеся носителей информации, актуализируются в первую очередь. Так, мы можем сказать, что в современном мире даже сам термин «чтение» может быть скорректирован как «техночтение», наряду с понятием «технонаука».

Итак, уровень чтения в реальном социуме, с одной стороны, выражает аксиологический уровень общества потребительской культуры, с другой стороны, моделирующая функция чтения является дискурсивным условием развития менталитета современного человека: «Чтение необходимо человеку, почти так же, как дыхание. Общество способно существовать без

письма, но не одно общество не сумело бы выжить без чтения» [5, с. 11]. Например, народ традиционной культуры падаунги, известный всему миру из-за необычной традиции удлинения женских шей при помощи металлических колец, утратил свою письменность. Некоторые ученые считают, что падаунги сознательно выбрали путь безписьменной цивилизации, сохранив лишь устную форму мифологии [7, с. 56].

Современная практика чтения, представляет собой формирующийся симбиоз такой визуально-разговорной модели, в которой слова заменяются условными знаками (смайликами), не требующими ни пространного текста, ни пояснения, ни описания, а только акта восприятия картинки. Таким образом, можно согласиться с Б. Гройсом о возвращении человечества в мир «Аватара» (без письменной цивилизации, созданной кинематографическим мышлением Д. Камерона). Тенденция современной науки – передача и адаптация посредством оцифровки накопленной информации. Но гипотетически сложно представить информационно-технологическое будущее человечества вне традиций письменного языка, ведь он является основой культуры любого социума.

Библиографический список

1. Муштриева М. Директор НКВ Бернд Шерер: «Нас интересует искусство как метод производства знаний»: интервью [Электронный ресурс]. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/6769-direktor-hkw-bernd-sherer-nas-interesuet-ikusstvo-kak-metod-proizvodstva-znaniy>.
2. Палванзаде Ф. Конец истории: философ Борис Гройс о человеке, животном и бюрократах утопического государства: интервью [Электронный ресурс]. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/6770-konets-istorii-filosof-boris-groys-o-cheloveke-zhivotnom-i-byurokratakh-utopicheskogo-gosudarstva>.
3. Мелентьева Ю.П. Чтение: явление, процесс, деятельность. М.: Наука, 2010.
4. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола»). Участвовали: В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, И.Ю. Алексеева, В.И. Аршинов, В.Г. Горохов, Д.И. Дубровский, Л.П. Киященко, П.Д. Тищенко // Вопросы философии. 2012. № 12.
5. Мангуэль А. История чтения. Екатеринбург: «У- Фактория», 2008.
6. Левина М.А. Книжный рынок в России: мифы и реальность // Отечественные записки. 2005. № 4 (24). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/knizhnyy-rynok-rossii-mify-i-realnost>.
7. Огнева В. Потомки Дракона и ветра // Дискавери. 2012. № 2 (38).